

Малые жанры башкирской прозы: процесс формирования и развития

Возникновение и развитие жанров, формирование национального стиля в литературе представляет собой сложный процесс. Истоки башкирской литературы восходят к народному творчеству — мифологии, сказкам, эпическим сказаниям. Традиции и приемы фольклорных жанров сыграли важную роль в становлении башкирской прозы. Несмотря на то, что в историческом плане корни ее уходят в глубь веков, в своих европейских формах жанровый состав прозы определился достаточно недавно — лишь во второй половине XIX — начале XX столетия, когда на начальных этапах развития национальной литературы ведущую роль играли малые жанры. В это время почти все они опирались на современную башкирскую действительность и были пронизаны идеями просветительства, которые впервые прозвучали в произведениях таких авторов, как Р. Фахретдинова, З. Хади, М. Гафури.

В первые годы революции основу произведений составлял присущий духу времени пафос утверждения революционных идей. Многие рассказы отчетливо тяготели к простому пересказу событий, были нацелены прежде всего на информативность. К середине 1920-х гг. рассказ постепенно формируется как отдельное жанровое явление — с характерным поэтическим лицом и определенными жанровыми признаками. От текста разьяснительной описательности он dorастает до уровня целостной самостоятельной художественной единицы.

Исследуя историко-революционные рассказы, можно сделать вывод, что их жанровая суть определяется приемом «воспоминания», где преобладает повествование, основанное на утверждении «так было» («Сивый», «Забывтая девушка» Б. Ишемгула; «Ярошевский», «Господин капитан», «Цветы сирени» Г. Гумера и др.). Произведения А. Карная «На повороте», «Зимагоры», «Дочь мельника» положили начало формированию рассказа героико-романтического типа, а морально-этические стороны жизни и традиций нашли отражение в творчестве Д. Юлтыя («Умат», «Халькай артист» и др.), Т. Янаби («В домах без крыш»), Г. Давлетшина («В беспрсветной жизни», «Гость»). Дидактические рассказы Г. Рафики, М. Гафури, написанные для детей, основаны на нравовании, разьяснении описываемого и являются успешным продолжением дидактико-назидательных традиций дореволюционных произведений.

В неразрывной связи с интересами идеологической борьбы шло формирование и развитие сатиры («Письмо Сабир муллы из могилы», «Намаз по договору», «Обесчещенная гусыня» Б. Ишемгула и т. д.). Реальная жизнь во всей ее сложности и многогранности нашла наиболее полное отражение в рассказах с социально-психологической направленностью. В этом отношении мастерским

использованием деталей и вспомогательных образов отличаются произведения И. Насыри («Ласточки», «Бешеные струны», «Мрачное озеро» и др.).

В тридцатые годы центром рассказа становится деятельность персонажа. Благодаря этому появилась возможность проанализировать взаимоотношения героя и окружающей среды, а также исследовать его внутренний мир. На смену простому описанию пришло изображение при помощи деталей, возросло мастерство создания сюжетного фона на основе картинности. В эти годы в жанре рассказа активно работают И. Насыри, С. Агиш, Г. Гумер, А. Карнай, Б. Ишемгул, Н. Карип и др. Характерной чертой рассказа этих лет является стремление авторов объединять свои произведения в циклы (например, «Я с Дальнего Востока» А. Вали).

Проза военных лет, отмеченная главенством малых жанров, отличалась документальностью и публицистической остротой, обращением к социально-психологическим истокам массового героизма.

Жанр рассказа отображал две основные темы — героический труд советских людей в тылу и отвагу, патриотизм советского бойца на войне. Одна из характерных черт прозы военных лет — это отражение реальных жизненных явлений (рассказы С. Агша, Б. Дима, К. Мэргена и др.). В рассказах с описаниями картин войны чувствуется их близость к жанру очерка.

Башкирский рассказ послевоенных лет стал ареной своеобразных творческих поисков и в начале пятидесятых годов вышел за рамки бесконфликтности, проник в разные области действительности и постепенно превратился в активный жанр с богатым идейным содержанием и гибкой формой. Современный рассказ весьма многообразен и многогранен. По возможности проникновения в жизнь, по идейно-тематической широте и эстетической содержательности, по динамичности сюжета и достижениям в раскрытии характера героя он становится все более зрелым и богатым [см.: 2].

Одним из активных жанров башкирской прозы, еще до революции стоявшим рядом с рассказом, является *нэсер*¹. В первых нэсерах, возникших на почве раздумий, субъективных переживаний о человеческой судьбе в условиях старого общества, где царили социальное и политическое неравенство, в основном отражалось

¹ Нэсер — арабское слово, означающее в переводе «прозаическое произведение», «проза». В башкирской и татарской литературах нэсер еще до Октябрьской революции сформировался как отдельный жанр (например, видный башкирский мыслитель Габдрахим Усман (1752–1836) многие свои прозаические произведения на арабском языке написал рифмованной прозой — саджг нэсер). Жанр, называемый «стихотворение в прозе», имеется и в других литературах. Стихотворение в прозе или проза в стихах — это, с одной стороны, промежуточная форма, близкая к стихотворению, с другой — ритмическая проза. Однако нельзя проводить полную аналогию между стихотворением в прозе и нэсером. Корнями нэсер уходит в средневековую арабскую литературу, где он был особенно распространен и популярен. Известно, что видный поэт и ученый Абу-ль-аля аль Магарри (937–1057) даже свои лекции писал ритмической прозой.

стремление человека уйти от тяжелой, затхлой жизни в мир мечтаний. Жизнь не находила своего конкретно-исторического отражения.

В нэсерах, написанных в начале века, особенно в годы реакции после поражения революции 1905 г., отражаются искание, протест и порывы мятущейся души. Это характерно для произведений А. Тангатарова, Ф. Валиева, А. Исанбердина, В. Султанова и др. Романтический герой нэсеров — бунтарь, протестующий против устоев жизни. А содержание жанра по сути представляет собой содержание отношений между героем и его временем. Можно заключить, что в нэсерах этого времени идейное содержание чаще всего передается через взаимоотношение человека с природой или через поэтическую параллель.

В годы революции и Гражданской войны нэсер, наряду с художественной публицистикой, выполнял работу революционного воспитания масс в духе своего времени. В послереволюционном нэсере нашло отражение развитие общественной жизни. В дальнейшем этот жанр постепенно теряет дух бунтарства, уступая место пафосу утверждения. Содержание и форма некоторых нэсеров основаны на широком социальном контрасте — борьбе двух миров.

С начала тридцатых и до конца пятидесятых годов нэсер вовсе исчезает из башкирской литературы. И лишь в начале шестидесятых, видимо из-за усиления лирического течения в прозе, он снова оживает. Над бывшим ищущим, бунтарским духом, романтическими стремлениями берет верх лирико-философский аспект. Поначалу после такого большого временного разрыва чувствовалась некая жанровая расплывчатость произведений. Выходя под названием «нэсер», некоторые из них, по сути, не соответствовали требованиям жанра. Скорее всего, это были еще не сформировавшиеся в качестве жанров эскиз и этюд. В них нет волны эмоций и чувств, остроты лирической мысли — главных особенностей нэсера.

В 1960–70-е гг. нэсер особенно ярко проявляет свои основные качества в творчестве Х. Кагармановой, Р. Назарова, А. Хаматдиновой. В произведениях Х. Кагармановой образы природы, пейзаж часто служат средством проведения поэтических параллелей, а в нэсерах Р. Назарова снова прослеживается дух борьбы. Его произведения можно даже объединить общей идеей: «Жизнь — это беспрестанная борьба». Они богаты на образные средства, особенно на сравнения, которые автор использует для выражения философских раздумий о назначении человека, смысле бытия. В нэсерах А. Хаматдиновой («Душа матери», «Хочу сказать...» и т. п.) отчетливо просматриваются мотивы наставления, нравовучения, продолжающие воспитательные, дидактические традиции народной прозы.

В нэсерах 1980–90-х гг. чувствуется широта философской мысли, многообразие идейной тематики. Среди авторов следует выделить таких разносторонних писателей, как И. Абдуллин, Р. Ханнанов. Работая и в других жанрах, они в течение многих лет оставались верны нэсеру.

И. Абдуллин обогатил жанр таким приемом, как ретроспекция. На первый взгляд его произведения воспринимаются как «рассказ о себе», воспоминания минувших лет. Образ автора превращается в них в главный объект изображения. Но в этих нэсерах с жизненным, реалистическим содержанием большую роль

играют иносказательность, весомы детали и важны философские обобщения. Размышления о смысле жизни переплетаются с тревожными мыслями о судьбе матери-Земли («Знайце цену тепла», «И у тишины есть голос» и т. д.).

Нэсеры Р. Ханнанова отличаются напряженной внутренней динамикой. Для них характерны тематическая широта, иносказательность и намеки, поучительность. Проблема добра и зла в них неразрывно связана с понятием гуманизма и справедливости («Восхождение на вершину», «Памятник», «Любовь к жизни» и т. п.).

От полифункциональной дидактической литературы Средних веков до современных высокохудожественных произведений малые жанры башкирской литературы прошли длительный и сложный путь формирования и развития. Из литературы синкретического характера развились самостоятельные жанры, имеющие свои характерные особенности, стиль, средства изображения. Начиная с XIX в. и особенно после Октябрьской революции в истории башкирской литературы наблюдается синтез национальных и европейских эпических форм. Малые жанры современной башкирской прозы находятся в постоянном движении и поиске. Они составляют целостную эстетическую систему, в которой есть жанровое ядро (рассказ, нэсер, новелла, парса), вокруг которого идет процесс формирования новых и отрицания старых жанровых форм [см.: 1].

Литература

1. *Абдрафикова Г. Х.* Малые жанры башкирской прозы (природа жанра, пути развития, современное состояние). Уфа, 2005. (На башк. яз.).
2. *Вахитов А. Х.* Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа, 1982.

В. М. Ванюшев

Ижевск

Развенчание увенчанного. О публикациях Д. М. Сахарных, посвященных стихотворению «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубочек...») Г. Е. Верещагина

Начиная с 2005 г. Д. М. Сахарных — ныне сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртии — опровергает суждения известных ученых о том, что стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубочек...»), написанное на удмуртском языке и опубликованное первым удмуртским ученым и писателем Г. Е. Верещагиным (1851–1930) в авторском переводе на русский язык внутри этнографического повествования под видом народной песни [2, с. 44–45], принадлежит самому